

что, въ двойномъ званіи яраго патриота и яраго спеціалиста-историка, онъ не можетъ допустить отрицательнаго отношенія къ нашему историческому прошлому. Современность онъ выдаетъ головою, но Гостомысла просить не обижать: хорошій былъ человекъ, покойникъ! Такъ какъ у него рѣшительно нѣтъ другого критерія, кромѣ эстетическаго, то естественно, что всѣ разбираемые имъ писатели совершенно одинаково удовлетворяютъ его: хорошо пишутъ! Насколько такая критика опредѣлила критику того гоголевскаго героя, который говаривалъ о любимыхъ писателяхъ: «славно, канашка, пишетъ, бойкое перо!»—этотъ вопросъ мы оставляемъ въ благоусмотрѣніе читателя. Какъ бы то ни было, г. Миллеръ цѣли, несомнѣнно, достигъ. Такъ какъ и Достоевскій, и Щедринъ, и Писемскій, и Гончаровъ—всѣ, оказывается, «славно пишутъ» и обладаютъ «бойкимъ перомъ», то этимъ именно и доказывается, наглядно, возможность той «объединяющей» и «примиряющей» критики, девизъ которой—вали въ вучу и всякое дааніе благо.

Петербургскій полусвѣтъ. Романъ *М. А. Филипова*. Изданіе третье. Спб. 1878.

Тайны великосвѣтской женщины. *Кн. А. Кочубей*. Спб. 1878.

Мы ничего не имѣемъ сказать объ этихъ двухъ произведеніяхъ, потому что, откровенно говоря, не читали ихъ. Мы хотимъ только обратить вниманіе многочисленныхъ потребителей романовъ съ пикантными заглавіями, выходящихъ отдѣльнымъ изданіемъ, на слѣдующее обстоятельство. Перелистывая романы гг. Филипова и Кочубей, вы найдете внизу, на каждомъ листѣ «Петербургскаго полусвѣта» таинственную помѣтку—«Разсвѣтъ», а на листахъ «Тайны великосвѣтской женщины» не менѣе таинственное слово—«Камилль». Кабалистика эта объясняется очень просто. Былъ когда-то (въ 1875 г.) изданъ переводный романъ кн. Кочубей «Рукопись мадмуазель Камилль». Романъ не пошелъ. Издатель придѣлалъ ему новое заглавіе, вставилъ въ новую обертку и выпустилъ въ 1878 г. за новое произведеніе. Издатель романа г. Филипова сдѣлалъ тоже самое, перекрестивъ «Разсвѣтъ» въ «Петербургскій полусвѣтъ», но онъ предпочелъ выдавать этого перекрещенца не за новое произведеніе, а за третье изданіе. Помѣтки «Камилль» и «Разсвѣтъ», свидѣтельствуютъ, что «Тайны великосвѣтской женщины»—не новость, а «Петербургскій полусвѣтъ»—не третье изданіе. Хотя намъ, признаться, нѣтъ особенной заботы о потребителяхъ романовъ съ пикантными заглавіями, но все-таки имъ незачѣмъ дважды, трижды и многожды покупать одинъ и тотъ же романъ, являющійся время отъ времени въ новой оберткѣ и съ новымъ заглавіемъ.

Путешествія и рассказы. *А. А. Тиханскаго*. Спб. 1878.

Наше время, чтд бы тамъ, за горами, за долами (а то, пожалуй, и поближе гдѣ) ни происходило—прежде всего веселое время. Не все намъ слезы горькія лить о бѣдствіяхъ существен-

ныхъ и чтобы вамъ, читатель, угодить—веселѣй надо быть. Литература наша, беллетристика по преимуществу, поняла это отлично. Оставимъ пессимистамъ доказывать, что въ литературѣ изсякла будто бы какая-то «струя», погасла какая-то «искра» — все это, какъ выражался Гамлетъ, «слова, слова, слова». Не только не изсякла, не только не погасла, но, наоборотъ, отыскались новые родники и зажглись новыя, невиданной яркости искры. Взять для примѣра хотя бы извѣстную часть нашей беллетристики. Вообще говоря, мы никогда не отличались ни разнообразіемъ художественныхъ школъ, ни обиліемъ литературныхъ партій, такъ что, напр. хоть бы въ той же беллетристичѣ до недавняго времени существовала, строго говоря, только одна, такъ называемая, натуральная школа. Но эта школа, видимо, отживаетъ свой вѣкъ. Извѣстная беллетристическая «плеяда», тускло мерцающая на небосклонѣ нашей литературы, превращается, кажется, въ туманное пятно, совершенно неспособное освѣщать окружающій мракъ. Г. Тургеневъ окончательно «положилъ перо» (по нашему счету—въ шестьсотъ шестьдесятъ шестой разъ; неужели и теперь не утерпите?), г. Толстой взялъ такое для того, чтобы написать «Анну Каренину», г. Гончаровъ оборвался уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Достоевскій не то замужъ вышелъ, не то ногу сломалъ, не то духовъ кличетъ, не то въ Царь-градъ ѣдетъ—что-то вродѣ этого; наконецъ, г. Писемскій, во образъ если не золотой, то иллюстрированной «Пчелы», летая вокругъ самыхъ пышныхъ цвѣтковъ отечественнаго вертограда, скромно прожужжалъ своихъ «Мѣщанъ» и съ задняго двора журналистики прямымъ трактомъ отправился въ Лету. Однимъ словомъ, куда ни кинь, все, повидимому, выходитъ клинъ. Но не будемъ падать духомъ. Жизнь прогрессируетъ, литература не отстаетъ отъ нея, и если мы имѣли до сихъ поръ просто натуральную школу, то теперь имѣемъ школу натуральную во всѣхъ отношеніяхъ, обнаженную съ ногъ до головы, до винограднаго листка включительно. Въ этомъ отрицаніи традиціоннаго листка именно и оказывается высокое преимущество новой школы нашей беллетристики. Мы говоримъ это не въ судъ и не въ осужденіе литературы—она только исполняетъ свою миссію общественной служительницы. Извѣстно, съ нея чего хочешь, того и просишь, и если мы, читатели, покупатели и подписчики, говоримъ журналисту, какъ, бывало, поручикъ Пироговъ говаривалъ своимъ жертвамъ вечернимъ: «ты мнѣ *момо*-то не разводи, а подавай настоящее дѣло», то очень естественно, что Незнакомецъ и К^о немедленно постараются удовлетворить нашъ аппетитъ поднесеніемъ въ фельетонномъ романдѣ требуемаго «настоящаго дѣла» въ видѣ кокоточной эпопеи. Святое искусство! Гдѣ твоя святость? «Бѣдная Лиза! гдѣ твоя невинность?»

Да, «прошли годы и наступили времена», какъ кто-то и гдѣ-то выражался. Не литература, а просто мадам! Читаешь ро-

манъ какой-нибудь литературной Бланшъ Гандонъ въ родѣ, напр. графа Салиаса и только двину даешься. Припомните, напр. въ «Пугачевцахъ» сцену изнасилованія Уздальскимъ Любуши—«вѣдь это что-жъ такое!» воскликнулъ бы Глумовъ. Оно, конечно, у насъ и прежде были своего рода «княжескіе пассажи», маститыя Шнейдерши; но граціозный шикъ, съ какимъ онѣ, бывало, умѣли se gratter les jambes et les hanches, давнымъ давно пересталъ удовлетворять насъ: все это не дѣло, а только ненужныя *момо*, разводять которыя намъ некогда. И вотъ, подчиняясь нашимъ вусамъ, является къ нашимъ услугамъ какая нибудь гаетная Альфонсина, которая прямо начинаетъ съ того, что поднимаетъ ножку выше, чѣмъ должно. Да, мы далеко пошли и прогрессъ нашъ несомнѣненъ. Если, напр. г. Тургеневъ ставилъ точку послѣ того, какъ его Елена сказала Инсарову: «такъ возьми-жъ меня», то графъ Салиасъ описалъ бы весь актъ «взятія», а какая нибудь г жа Га—ни не ограничилась бы и этимъ, а къ сугубому нашему удовольствію довела бы «дѣло» до конца концовъ. Помнится намъ, Бѣлинскій, въ одной изъ своихъ рецензій, просто изъ себя выходилъ, разбирая какой-то переводный романишко Поль де-Кова. «Мы трепещемъ при мысли, что это грязное, подлое произведеніе можетъ попасть въ руки дѣвушки или ѳноши», свирѣпствовалъ онъ. И это говорилось о Поль де-Ковѣ, наивный и добродушный цинизмъ котораго вращается, главнымъ образомъ, около разныхъ авантюръ съ почтими вазами и т. д. Какія же, спрашивается, выраженія употребилъ бы Бѣлинскій теперь, въ виду того скандальнаго апофеоза «настоящаго дѣла», которымъ съ такимъ истинно кокеточнымъ безстыдствомъ и съ такимъ истинно либеральнымъ мѣдлолюбіемъ занимаются наши сіятельные и несіятельные журналисты? «Неистовый Виссаріонъ», навѣрное, захохоталъ бы въ этой атмосферѣ, если бы только ему не удалось изобрѣсти какую нибудь своего рода ждановскую жидкость.

Наше вступленіе вышло на столько длинновато для рецензій, что читатель, вѣроятно, ожидаетъ встрѣтить въ г. Тишанскомъ очень замѣчательную литературную новинку. Его ожиданія не оправдаются. Г. Тишанскій—писатель очень скромный и незамѣтный; но его книги замѣчательны тою непосредственностью, тою простотою и прямою, съ закою *mot d'ordre* известной фракціи современной беллетристики отразился на ней. Г. Тишанскій много путешествовалъ и рассказы о его путешествіяхъ, съ добавленіемъ одной порядочной повѣсти, да четырехъ незначительныхъ беллетристическихъ этюдовъ, находятся теперь передъ нами. Какъ же онъ рассказываетъ? Памятуя, что по нѣвшнему времени писателю «веселѣй надо быть» и понимая эту «веселость» въ суворинско-сальсовскомъ духѣ, г. Тишанскій считаетъ долгомъ подробно сообщать намъ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ на всѣхъ точкахъ земнаго шара. Приѣзжаетъ онъ напр. въ Мангилу и—«я недолго созерцалъ общую картину. Я

очень скоро былъ увлеченъ одной ея милѣйшею частностью, частностью съ большими, черными, какъ угли, глазами» (115). Далѣе слѣдуетъ повѣствованіе о веселыхъ похожденияхъ автора съ черноглазую частностью. Въ тотъ же вечеръ, вѣтренникъ-авторъ сводитъ другую интрижку и «страстно принаеетъ къ роскошному и благоухающему плечу» (121). На 146 стр. и все въ той же Маниллѣ, «она (ужъ право не знаемъ которая), судорожно сжавъ руками мою голову, порывисто стала цѣловать меня въ лобъ нервными жгучими поцѣлуями. Миѣ страшно сдѣлалось.... я совершенно растерялся». Въ Батавіи, г. Тишанскій, улѣгшись въ постель съ серьезнымъ опасеніемъ быть заживо изсосаннымъ вампирами, просыпается отъ «прелестнаго ощущенія дивной прохлады» и вмѣсто ожидаемаго вампира видитъ у своей кровати «восхитительный женскій призракъ». Между авторомъ и призракомъ начинается обычная мимика и дѣло кончается много-точіемъ (198). Посмотрѣвъ г. Тишанскій на танцы баядерокъ и обязательно сообщаетъ: «я былъ доведенъ до такого нервнаго состоянія, что легъ спать съ страшною головою болью» (201). Въ Таити съ авторомъ произошелъ такой пассажъ: одна туземная красавица «вдругъ и безъ чиновъ, какъ говорится, бросила въ сторону фрукты и обвила мою шею красивыми своими руками. За ней послѣдовала вторая, а тамъ и третья,—я растерялся....» (302). И такъ далѣе. Букетецъ, собранный нами, далеко не полонъ, но уже и по немъ съ достаточною вѣроятностью можно судить о г. Тишанскомъ. Для того, кто прочелъ книгу г. Тишанскаго—его искренность несомнѣнна, и мы прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что почти во всѣхъ своихъ амурныхъ похожденияхъ г. Тишанскій разыгрываетъ совершенно пассивную роль: его цѣлуютъ, обнимаютъ, а ему-то «страшно» сдѣлается, то онъ «растеряется». Этотъ фактъ, характеризующій, конечно, гораздо болѣе человѣческую, нежели литературную личность г. Тишанскаго, важенъ для насъ потому, что въ совершенномъ соответствіи съ нимъ находятся и всѣ тѣ черты литературной фізіономіи г. Тишанскаго, которыя можно подмѣтить въ его книгѣ. Въ его описаніяхъ разныхъ цѣлованій и обниманій рѣшительно нигдѣ и никогда не замѣчается того самоуслажденія, того поганнаго слюнотеченія, которое отличаетъ опытныхъ аматѣровъ по этой части. Онъ даетъ эти описанія не изъ любви къ искусству, не какъ спеціалистъ, даже не какъ диллетантъ, а какъ будто по долгу, по обязанности, вслѣдствіе, очевидно, того убѣжденія, что «такъ надо», что только анекдотами *такого* рода можно сообщить своему разсказу пикантную литературную игривость—чего г. Тишанскому несомнѣнно очень хочется.

Видите ли что, г. Тишанскій. Въ храмъ нашей литературы («храмъ разрушенный—все храмъ, кумиръ поверженный—все богъ») дѣйствительно набралось много продающихъ и купующихъ, людей барыша и успѣха во чтобы то ни стало, людей съ мѣднымъ лбомъ и броненосною совѣстью. Здѣсь не мѣсто гово-

рять о причинахъ этого факта и достаточно только констатировать его. Но, какъ ни безспоренъ этотъ фактъ, изъ него, однако же, ни подь какимъ видомъ не слѣдуетъ, что литература и въ *принципѣ* должна быть тѣмъ, чѣмъ она оказывается на фактѣ. Отъ начинающихъ писателей мы въ особенности въ правѣ требовать, чтобы они смотрѣли на литературу серьезно, не какъ на общественную прихвостницу и потатчицу, а какъ на общественную руководительницу. Не литераторамъ унижать призваніе литературы и ея достоинство — на это и безъ нихъ даже слишкомъ много охотниковъ. Надо понимать вещи. Если есть люди, которые ведутъ себя въ храмѣ, какъ въ домѣ терпимости, то ихъ нужно стараться выгнать оттуда, а не подражать имъ. Если въ одномъ углу этого храма раздается молитвенное пѣніе, а въ другомъ идетъ бѣшеная вакханалія, то человѣкъ съ свѣжимъ религиознымъ чувствомъ ни на одно мгновение не усомнится, куда ему слѣдуетъ идти и въ какіе ряды подобаетъ стать. Вы увлеклись, конечно, примѣромъ разныхъ скандальныхъ знаменитостей нашей журналистики, вы подражали имъ. Но неужели такъ трудно понять, что эти господа столько же достойны называться писателями, сколько трубочистъ достоинъ называться художникомъ? Это просто, употребляя выраженіе «Свода Законовъ» — «явные прелюбодѣи», которые и къ свидѣтельству не допускаются; это люди, которые, не умѣя дѣйствовать на чувство, дѣйствуютъ на чувственность, не умѣя или не желая будить мысль читателя, шевелятъ его низменные, животные инстинкты. Наступать для литературы лучшіе дни — потому что должны же они когда нибудь наступить! — и вся эта грязь, съ двухъ концовъ жгущая всѣ заветныя преданія нашей литературы, будетъ выметена вмѣстѣ съ своими вольными или невольными, сознательными или безсознательными подражателями и послѣдователями. Неужели мы пали такъ низко, что для насъ только и свѣта можетъ быть, что изъ окошка какой нибудь литературной проститутки? Миръ Божій великъ и широкъ, и въ немъ ли мыслящему человѣку не найти явленій, на которыхъ достойно могло бы остановиться его вниманіе. Даже г. Тишанскій доказываетъ это своею повѣстью «Матросъ Акинфъ Акинфѣевъ», изъ которой видно, что и ему случилось задумываться не надъ юнками только и что, развивая онъ свою мысль въ томъ же серьезномъ и честномъ направленіи, изъ него вышелъ бы не бардъ благоухающихъ плечъ, а настоящій писатель, хотя и второстепенный, несомнѣнно.

Но для этого г. Тишанскому нужно прежде всего учиться и много учиться: онъ, вонъ, вампировъ боится, объ очковыхъ змѣяхъ рассказываетъ такія небылицы, что уши вянутъ (208), онъ, морякъ, приводитъ своихъ спутниковъ въ изумленіе своими наивными вопросами объ акулѣ (183) и т. д. И г. Тишанскому стѣдуетъ учиться, потому что, когда онъ не гонится за тѣмъ, что онъ считаетъ литературнымъ достоинствомъ, за скабрѣзною игри-

востью, онъ пишетъ толково, ясно и просто. Таковъ, напримѣръ, его этнографическій очеркъ «Эскалерія и Эскальдинаки». А впрочемъ, «какъ угодно съ».

Вильямъ Карпентеръ. Месмеризмъ, одилизмъ, столоверченіе и спиритизмъ съ исторической и научной точкѣ зрѣнія. Лекціи, читанныя въ декабрѣ 1876 года въ лондонскомъ институтѣ. Переводъ съ англійскаго. Слб. 1878.

Умственная жизнь европейскаго Запада течетъ широкою и глубокою рѣкою; высоко поднимающіяся волны главнаго фарватера этой рѣки несутъ свѣжую и живительную струю; но вдоль береговъ, по мелкимъ мѣстамъ не можетъ не попадаться муть, илъ и грязь. Съ давнихъ временъ уже, русская жизнь сложилась такъ, что мы ее и представить себѣ не можемъ безъ примѣся западнаго вліанія; но только во вліаніи этомъ замѣчаемъ мы очень слабое участіе жвительной струи главнаго фарватера, едва просачивающейсквозь множество плотинъ и дамбъ, а болѣею частью видимъ дѣйствіе гнилостно-болотистаго мелководья. Муть эта, разливаясь по всей обширной поверхности нашего отечества, входитъ здѣсь въ самыя разнообразныя комбинаціи съ мѣстными подходящими элементами и образуетъ тѣ удивительныя агрегаты мракобѣсія, которые процвѣтали и процвѣтаютъ къ вѣщшему нашему умопомраченію и уморазвращенію.

Мутныя струи отечественно-заморскихъ и заморско-отечественныхъ разннхъ теченій прорывали себѣ въ разное время разныя русла и сосредоточивались по очереди то въ томъ, то въ другомъ. Въ настоящее время, какъ всякому одаренному зрѣніемъ извѣстно, главнымъ ихъ русломъ стало такъ называемое привать-звонарство, удачно соединившее въ себѣ логику западнаго прилавка съ этикой русскаго холопства и подвизающееся въ разныхъ формахъ съ неумоимостью и упорствомъ въчюнаго животнаго. Побочныя русла на время позаросли, но не изсякли окончательно и при первомъ удобномъ случаѣ могутъ опять стать весьма замѣтными.

Русская натура удивительно вынослива во всѣхъ отношеніяхъ. Пусть привать-звонари безстыдно провозглашаютъ себя пророками своей земли, пусть избобрѣтаютъ они отвѣты за тѣхъ, которые не слышали вопроса или не поняли его. Все это мы воспримемъ и ассимилируемъ и затѣмъ будемъ преисполнены готовностью прослушать хоть 120 чтеній Ивана Яковлевича о томъ, «како безмысліе ручательствомъ истины явиться можетъ и каковыя отъ працы сія изойти могутъ кололацы», и, осѣненные этими кололацами, мы съ свирѣпымъ восторгомъ кинемся въ объятія перваго попавшагося странствующаго рыцаря спиритизма, съ полнымъ самоотреченіемъ сдѣлаемъ его покорнѣйшими Санчо Пансами, не пожалѣемъ ни трудовъ, ни издержекъ для приумноженія славы и капитала нашего мимолетнаго господина. Новымъ странствующимъ рыцаремъ спиритизма явился въ послѣднее время пресловутый Слэдъ, услѣвшій обратить на себя

всеобщее вниманіе даже и при оглушительномъ трезвонѣ, производимомъ привать-звонарями. Слѣду не удалось, конечно, еще разъ поднять спиритизмъ на самую поверхность нашей общественной жизни, какъ то имѣло мѣсто въ недавнее еще время, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ значительно поднялъ уровень той меліумической клоаки, чрезъ которую проникаютъ къ намъ съ Запада интеллектуальныя нечистоты мистико-престижитаторскаго свойства, и обогатилъ привать-звонарскую атмосферу придаточными миазмами, почти уже изъ нея исчезнувшими.

Неожиданное осложненіе умственной эпидеміи вызываетъ, конечно, и чрезвычайныя санитарныя мѣры. Этому обстоятельству мы и обязаны, конечно, появленіемъ новаго обличенія меліумическихъ шарлатанствъ и спиритистическаго недоумія, почти уже забытаго въ нашей наукѣ и литературѣ прежними обличеніями. Новое разслѣдованіе о спиритизмѣ принадлежитъ извѣстному Карпентеру и появляется въ первый разъ въ хорошемъ русскомъ переводѣ, на который мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей.

Самою поучительною частью лекцій Карпентера слѣдуетъ считать ту, въ которой онъ даетъ анализъ психологическихъ основаній вѣры въ спиритистическія явленія. Главная причина этой вѣры заключается, по его мнѣнію, «въ страстномъ желаніи чловѣческаго сердца (эмоціональной природы чловѣка) получить какія-нибудь завѣренія относительно продолженія существованія нашихъ усопшихъ друзей, а слѣдовательно и нашего собственнаго будущаго существованія» (5). Въ связи съ этою мыслью, онъ разсматриваетъ значеніе *ожиданія*, которое, являясь какъ результатъ увѣренности въ исполнимости и болѣе или меньшей близости осуществленія *желанія*, представляется намъ тѣмъ же желаніемъ въ извѣстномъ фазисѣ своего развитія и напряженія. Еслибы Карпентеръ, не увлекаясь слишкомъ долгою остановкою надъ почти забытыми теперь месмеризмомъ, одилизмомъ и столоверченіемъ, сосредоточилъ все свое вниманіе на очень вѣрно намѣченной имъ психологической сторонѣ вопроса, то лекціи его несомнѣнно много бы отъ этого выиграли. Ему бы необходимо слѣдовало выяснить основную роль *желанія* (хотѣнія, стремленія, побужденія, точнѣе и опредѣленнѣе — *воли*) и показать значеніе *чувства*, какъ момента, обусловленнаго удовлетвореніемъ или неудовлетвореніемъ желанія (отсюда двѣ категоріи: чувство пріятное и непріятное), и опредѣлить вліяніе этихъ факторовъ на *мышленіе* и *познаваніе*. При обстоятельномъ анализѣ такимъ образомъ поставленнаго принципіальнаго вопроса, неизбежность мистическихъ заблужденій и измѣняемость ихъ въ исторіи представилась бы съ болѣею легкостью и опредѣленностью и многіе малохарактерныя или однородныя подробности стали бы совершенно излишни. Самъ Карпентеръ, впрочемъ, замѣчая нѣкоторую незаконченность обработки своихъ лекцій, обѣщаетъ новое улучшенное ихъ изданіе, которое слѣдовало бы

непрѣмѣнно перевести на русскій языкъ даже и въ томъ случаѣ, если для того не явится поводъ въ лицѣ новаго Слѣда или Вредафа.

Книжка Карпентера, кромѣ лекцій, содержитъ еще весьма интересное приложеніе, названное авторомъ «Психологическими (?) курьёзами спиритизма». На первый планъ между курьёзами эти ми слѣдуетъ поставить разоблаченіе отступленій отъ научнаго метода, замѣченное авторомъ у двухъ совратившихся въ спиритизмъ англійскихъ ученыхъ: Уоллеса и Крукса. Разоблаченія эти могутъ служить превосходнымъ дополненіемъ къ таковаго же рода замѣчаніямъ профессора Петрушевскаго на псевдо-научныя работы Крукса о спиритизмѣ («Отч. Записк. 1872, № 3). Затѣмъ заслуживаетъ еще особеннаго вниманія глава о «спиритическихъ откровеніяхъ», ярко раскрывающая ту сторону спиритизма, которая бросается всего прежде всякому, кто читалъ спиритическихкія сочиненія или присутствовалъ на сеансахъ медиумовъ — безсодержательность, безцѣльность, пошлость и крайнее ничтожество мысли во всѣхъ спиритическихъ словоизверженіяхъ. Для всякаго безпристрастнаго наблюдателя во всякомъ медиумѣ легко открывается идиотъ, и вся спиритическая литература проинфильтрована идиотствомъ, т. е. духомъ ея истинныхъ авторовъ, исключаяющимъ всякую нужду въ поискахъ за инымъ какимъ-либо духомъ. Карпентеръ приводитъ цитату изъ какого-то «Свѣточа спиритизма», которую мы выпишемъ, какъ весьма краснорѣчивое подтвержденіе только что высказаннаго мнѣнія: «Авторы духи этого произведенія, по увѣренію издателя «Свѣточа» — не какія нибудь мелкія личности, это ни болѣе, ни менѣе, какъ двѣнадцать апостоловъ христіанства. Издатель серьезно увѣряетъ насъ, что они продиктовали одновременно это несравненное произведеніе одной личности, которая напечатала его въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Содержаніе его составляетъ жизнь Христа. Вся книга представляетъ почти невѣроятную смѣсь наглости, безстыдства, сушашествія и нелѣпостей. Одинъ изъ апостоловъ милостиво общается намъ слѣдующія подробности, касательно ежедневной жизни двѣнадцати учениковъ Христа: «Мы всегда брали съ собою мальчика, чтобы чистить намъ башмаки. Учитель любилъ, чтобы мы были одѣты хорошо; въ особенности же онъ любилъ, чтобы наши башмаки были хорошо вычищены. Обыкновенное одѣяніе Христа состояло изъ широкой верхней одежды и ярко-голубыхъ сапоговъ. Однажды онъ былъ оскорбленъ евреями, называвшими Его обманщикомъ». Это происшествіе описывается слѣдующимъ образомъ: «Какъ можете вы называть Меня обманщикомъ?» сказалъ Учитель, обратившись къ нимъ. — Развѣ вы не видите Моихъ кудрявыхъ золотистыхъ волосъ и Моихъ прелестныхъ голубыхъ сапоговъ? Неужели вы полагаете, что Я бы могъ имѣть подобныя вещи, еслибы былъ обманщикомъ?» Одинъ изъ апостоловъ приводитъ различные факты касательно послѣдняго путешествія Іисуса въ Іерусалимъ: «Мы были тогда очень

бѣдны и продавали по дорогѣ маленькія брошюрки о жизни и дѣлахъ Иисуса, чтобы добыть денегъ. Мы очень торопились достигнуть до Иерусалима изъ опасенія, чтобы газеты не пронюхали о нашемъ прибытіи и не раструбили бы о немъ по всему городу». Надѣюсь, говорить Карпентеръ, что этихъ цитатъ совершенно довольно. Но еслибы кто-нибудь захотѣлъ еще бѣдшаго, и притомъ гораздо худшаго сорта (въ родѣ того, напримеръ, что «послѣ ужина, Учитель присоединился къ хороводу, на которомъ плясали Его апостолы и Марія Магдалина»), то онъ найдетъ кое-что въ этомъ родѣ на 300 страничекъ «Свѣточа спиритизма», нѣкоторыя части котораго «просто невозможно цитировать» (стр. 311—312).

Общее заключеніе, на которое наводитъ книжка Карпентера, заключается въ томъ, что всѣ случаи искренняго совращенія въ спиритизмъ неизбѣжно предполагаютъ такое состояніе субъекта, которое для всякаго, не смѣшивающаго ума съ учестью, не требуетъ опредѣленія. Спиритизмъ, сведшійся въ настоящее время главнымъ образомъ на медіумизмъ, т. е. на особаго рода телеграфное сообщеніе между міромъ реальнымъ, насъ окружающимъ, и міромъ духовъ, можетъ быть характеризованъ совершенно также, какъ и тотъ, никогда не существовавшій и невозможный телеграфъ, слухъ о которомъ былъ ловко распушенъ какимъ-то остроумнымъ мистификаторомъ и который получилъ потомъ названіе паназиническаго или всеослиаго телеграфа (стр. 83). И въ самомъ дѣлѣ, кто обратитъ серьезное вниманіе на способности сообщенія, представляемые спиритизмомъ, и на характеръ доставляемыхъ ими съ того свѣта депешъ, тотъ ни на минуту не доколеблется признать за нимъ полное и несомнѣнное всеослиное значеніе.

Надя. Поэма. *Н. Чаева*. Москва. 1878.

Если мы добросовѣстно прочли до самой послѣдней строчки эту, такъ называемую, «поэму», то мы имѣемъ право поставить себѣ этотъ подвигъ въ особенную заслугу. Нешуточное дѣло — прочесть поэму, въ которой три тысячи стиховъ и двѣ съ половиной мысли. Собственно, въ поэмѣ нѣтъ никакой «Нади» (т. е. положимъ, фигурируетъ дѣвочка этого имени, но г. Чаевъ очень легко могъ бы обойтись и безъ нея), а есть рядъ картинъ изъ стародворянской, крѣпостной жизни, изображаемой, какъ и слѣдовало отъ г. Чаева ожидать, въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Старая исторія, какъ видитъ читатель. Эти «дворянскія мелодіи» намъ очень хорошо знакомы — г. Евгений Марковъ еще такъ недавно угостилъ насъ «Барчуками» — и если прежде эти мелодіи иныхъ сердили, иныхъ смѣшили, то теперь ничего, кромѣ свинцовой скуки, онѣ принести читателю не могутъ. Какъ психологическое, вѣрнѣе сказать, патологическое явленіе — поэма г. Чаева, пожалуй, не лишена интереса. Какимъ завиднымъ душевнымъ спокойствіемъ, какою «атласистостью сердечною» необходимо обладать для того, чтобы написать три тысячи

стиховъ на тѣму, какъ веселились, потѣшались, пировали круглый годъ наши дѣды и отцы! Счастливая Москва! Какимъ, скажи матушка, секретомъ обладаешь ты, что твои «сыны» могутъ въ одно и то же время быть и «питомцами славы», и архивариусами, писать драмы и романы, отъ патріотическаго пламени которыхъ коробится бумага, на которой они написаны, и писать «поэмы»; въ водныхъ пучинахъ которыхъ безслѣдно тонутъ даже всѣ археологическія диковинки, вдовновившія архивно-поэтическое чувство твоихъ «сыновъ»? Вся поэма, какъ уже сказано, состоитъ изъ описанія разныхъ бытовыхъ сценъ жизни, безвозвратно ушедшей въ прошлое, но надо знать, какъ описываетъ г. Чаевъ, для того чтобы опѣнить весь объемъ нашего рецензентскаго самопожертвованія, претерпѣваемаго до конца. Г. Чаевъ вдается въ такія подробности, которыя были бы утомительны даже въ прозаическомъ изложеніи, а въ «поэмѣ» онѣ просто невыносимы. Г. Чаевъ и самъ понимаетъ это, но нисколько не смущается.

Подробности пишу я эти вамъ нарочно;

Вы скажете: «зачѣмъ? Вѣдь это просто тошно»

Что-жъ дѣлать, помнится и чай, и разговоръ... (49).

И онъ описываетъ всѣ «чай» и всѣ пустѣйшіе «разговоры», какіе только помнитъ, а помнитъ онъ ихъ, на бѣду читателя, многое множество. До «тошноты» читателя ему нѣтъ совершенно никакого дѣла, какъ нѣтъ дѣла кукушкѣ до унынія, которое она наводитъ на людей своимъ однообразнымъ кукованіемъ. Изъ всѣхъ трехъ тысячъ стиховъ, прокукованныхъ г. Чаевымъ, мы нашли только три, имѣющихъ отношеніе къ современности, которые и представляемъ читателю:

Несчастье въ томъ, весь міръ вѣдь выжилъ изъ ума.

Состарѣлся онъ, что-ль? Рассорась съ красотою,

Вдругъ (?) молится мнѣну съ начинкой золотою (81).

Если г. Чаевъ надѣялся способствовать своею поэмою примиренію «выжившаго изъ ума» міра съ красотою, то, судя по личному нашему впечатлѣнію, врядъ ли ему достигъ такого результата. Нѣтъ, нѣтъ! Мы не поклонники «мѣшка», но мы согласимся ежедневно читать «биржевую хронику» сразу трехъ казенныхъ угодныхъ газетъ, согласны углубиться въ балансы всѣхъ нашихъ уже разворованныхъ и еще не разворованныхъ банковъ, обществъ, конторъ и проч. Согласны, наконецъ, на всякую другую эпитимію, но только оставьте насъ по прежнему въ ссорѣ съ тѣмъ, что г. Чаевъ называетъ «красотою»!

Экономическіе опыты В. Тригорова. Основанія для изслѣдованія явленій экономической жизни.—Сельское общество. Жизнь государственнаго сельскаго общества. Податная душа. Спб. 1878.

Мы уже имѣли случай указывать на появленіе за послѣднее время нѣсколькихъ весьма почтенныхъ провинціальныхъ трудовъ, посвященныхъ детальному статистико-экономическому изслѣдованію той или другой мѣстности или даже одной какой нибудь стороны мѣстной жизни. Безъ всякаго сомнѣнія, мы чрезъ-

вычайно нуждается въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода. Наша литература очень долго занималась преимущественно поверхностно, видимыми, наружными признаками общественной жизни, почти не спускаясь къ болѣе глубокимъ слоямъ этой жизни. Поэтому, всякій трудъ, проливающий свѣтъ на эти слои—хотя бы онъ и ограничивался небольшимъ пространственнымъ райономъ—долженъ быть принятъ съ великою благодарностью.

Г. Трироговъ тоже принадлежитъ къ числу изслѣдователей, задавшихся изученіемъ небольшого района, но изученіемъ *интенсивнымъ*, которое должно освѣтить всѣ частныя стороны предмета. Брошюра, заглавіе которой написано выше, и нѣсколько слѣдующихъ выпусковъ «опытовъ» г. Трирогова предназначаются имъ для характеристики экономической жизни одного сельскаго общества, избраннаго г. Трироговымъ, какъ ближайшій предметъ наблюдений. Пока г. Трироговымъ опубликованы только наблюденія надъ распределеніемъ въ данномъ обществѣ подушной подати. Данные, сообщаемыя имъ въ этомъ отношеніи, крайне любопытны. Они приводятъ къ выводу, что, въ сущности, подушной системы изслѣдуемое общество къ взимаемымъ податей не принимаетъ. «Если оно и сохранило названіе *душа и подушное*, то подъ этимъ словомъ оно разумѣетъ не объектъ подати, не податную единицу въ каждой семьѣ, какъ значится въ ревизской сказкѣ, и не наличную рабочую силу или живое существо, а $1/212$ долю *всякаго сбора* (въ обществѣ 212 ревизскихъ душъ), какое бы названіе онъ ни носилъ и на какія бы потребности ни назначался, временно или постоянно». Общество соединяетъ всѣ денежные повинности, съ него слѣдующія, въ одну общую сумму и затѣмъ распределяетъ ихъ между отдѣльными дворами, принимая при этомъ долю, причитающуюся на одну ревизскую душу, какъ счетную единицу. Платежная сила каждаго двора приравнивается къ извѣстному числу такихъ единицъ. «Общество ежегодно обсуждаетъ самымъ внимательнымъ образомъ раскладку общей суммы повинностей по дворамъ, при чемъ принимается во вниманіе не голый дворъ, не одно только число работниковъ по возрасту, но оно входитъ по возможности подробно въ условія семейнаго положенія, принимая при этомъ въ соображеніе умственныя и физическія способности лицъ, его составляющихъ; возрастъ, отправленіе какихъ либо общественныхъ должностей и т. п.»¹ Въ слѣдующихъ выпускахъ г. Трироговъ общаетъ заняться прочими сторонами экономической жизни изслѣдуемаго имъ общества. Затѣмъ рядъ этюдовъ будетъ посвященъ изученію

¹ Г. Трироговъ приводитъ, между прочимъ, такой примѣръ. Дворъ состоитъ изъ двухъ совершеннолѣтнихъ, взрослыхъ работниковъ; «по примѣру другихъ дворовъ, ему слѣдовало бы платить за 4 души, общество же обложитъ въ $2^{1/2}$ души, въ томъ вниманіи, что работникъ Федоръ слабъ зрѣніемъ и глухъ, а братъ его Василій говоритъ слабымъ и едва только близки слышитъ голосъ».

другихъ общественныхъ единицъ: ремесленнаго цеха, церковнаго прихода, городского общества, дворянскаго общества.

Но г. Трироговъ не ограничивается ролью простаго изслѣдователя и наблюдателя непосредственныхъ фактовъ мѣстной народной жизни. Онъ желаетъ быть новаторомъ въ экономической наукѣ. По крайней мѣрѣ, большая часть изданной имъ книжки занята теоретическими, методологическими разсужденіями, въ которыхъ г. Трироговъ пытается установить «основанія для изслѣдованія явленій экономической жизни». Въ сожалѣнію слѣдуетъ сознаться, что въ разсужденіяхъ этихъ гораздо болѣе претензій и напыщенности, нежели дѣйствительно «новаго свѣта». Можно даже сказать, что справедливо въ словахъ г. Трирогова только то, что не ново.

Г. Трироговъ находитъ современное состояніе экономической науки крайне неудовлетворительнымъ. «Въ послѣднее время, говоритъ онъ (стр. 9):—экономисты, вмѣсто того, чтобы дать намъ разрѣшеніе насущнѣйшихъ вопросовъ, возбужденныхъ государственнымъ и общественнымъ учрежденіями, даютъ намъ рядъ трактатовъ по поводу однихъ только разногласій и споровъ относительно понятій о богатствѣ, трудѣ, производительности, капитала, цѣнѣ и т. п. Открытіе цѣлесообразныхъ системъ представляетъ въ политической экономіи простую счастливую случайность, а сама наука вращается среди нерѣдко совершенно праздныхъ умозаключеній; вотъ отчего она такъ бесплодна.» Чтобы выйти изъ такого состоянія, экономическая наука должна стать на почву чистаго опыта и притомъ опытныхъ изслѣдованій должны производиться съ соблюденіемъ тѣхъ же пріемовъ, какими они обставлены въ другихъ, болѣе научно поставленныхъ сферахъ знанія. Политическая экономія должна опираться на статистику, а статистика должна изучать общественный организмъ такъ же, какъ физиологія изучаетъ живой организмъ. Въ общественномъ организмѣ нужно отличать ткани этого организма, въ тканяхъ ихъ клѣточки; эти клѣточки и подлежатъ микроскопическому изслѣдованію. Клѣточками разныхъ тканей государственнаго организма Россіи г. Трироговъ считаетъ: дворянское общество губерніи, купеческое и мѣщанское общество одного города, церковный приходъ, ремесленный цехъ, крестьянское общество. Извѣстное количество *типическихъ* клѣточекъ этого рода должно быть подробно изучено; такое изученіе и должно доставить основаніе для экономическихъ выводовъ.

Вотъ главная суть соображеній г. Трирогова, если мы ихъ вѣрно поняли. Прибавляемъ эту оговорку потому, что, при манерѣ изложенія г. Трирогова, впасть въ недоразумѣніе очень легко. Дѣло въ томъ, что онъ любитъ облекать самыя простыя вещи въ очень мудреватую форму¹ и вообще имѣетъ пристра-

¹ Вспь, напримѣръ, какъ говоритъ г. Трироговъ о томъ, что крестьяне, не имѣющіе надѣловъ, не вводятся сельскимъ обществомъ въ общую раскладку по-

стіе въ высокому слогу, не особенно способствующему ясности изложенія. Насколько можно разсмотрѣть сквозь этотъ высокій слогъ, г. Трироговъ желаетъ выставить необходимость для экономической науки спуститься къ изслѣдованію дѣйствительныхъ, конкретныхъ явленій и единственныхъ путемъ въ этому считается предлагаемый имъ методъ изученія *типическихъ единицъ*. Насколько первое положеніе вѣрно (хотя и не ново), настолько же второе подлежитъ сомнѣнію (хотя, быть можетъ, въ этомъ мысль г. Трирогова болѣе оригинальна). Для того, чтобы вывести экономическіе законы индуктивнымъ путемъ, необходимы очень широкія наблюденія; изслѣдованіе, такъ сказать, *экстенсивное* играетъ при этомъ самую существенную роль. Конечно, нельзя отрицать, что и другой родъ наблюденій, направленныхъ на изученіе отдѣльныхъ бытовыхъ единицъ, крайне важенъ, но придавать ему такое исключительное значеніе, какъ это дѣлаетъ г. Трироговъ, было бы совершенно ошибочно. Затѣмъ, нельзя признать удачнымъ и самый выборъ единицъ для изслѣдованія, предлагаемый г. Трироговымъ. Конечно, крестьянское общество представляетъ дѣйствительно жизненную бытовую единицу; но какую «клеточку» можно усмотрѣть въ дворянскомъ обществѣ губерніи? Вообще способъ сближеній и аналогій—способъ опасный; а съ идеей чистаго эмпиризма, которую проповѣдуетъ г. Трироговъ, *предвзятая* аналогія общества съ живымъ организмомъ совѣмъ не вяжется. Между тѣмъ, на аналогію эту г. Трироговъ особенно наираетъ. Мы не только встрѣчаемся съ «тканями» и «клеточками» государственнаго организма, но даже жизнь сельскаго общества уподобляется движенію свѣтилъ небесныхъ.

«Дворы крестьянскіе, говоритъ г. Трироговъ:—какъ совершенно особыя тѣла на пространствѣ общественной земли, слѣдуютъ въ своемъ жизненномъ пути, какъ бы по указанію особой силы. Въ каждомъ дворѣ семьи происходитъ *ежедневно* экономическое движеніе, по выраженію самихъ хозяевъ—*кругъ двора*. Въ самомъ же обществѣ, въ избранномъ пунктѣ, происходитъ *ежемесячное* особое общественное движеніе по дѣламъ общественнымъ. Независимо отъ этого, на общественномъ сходѣ обсуждаются *ежедневно* дѣла по обложенію и раскладѣ повинностей государственныхъ и отправленію воинской повинности. Такимъ образомъ, намъ представляется, что порядокъ, усматриваемый въ движеніи тѣлъ въ этомъ политическомъ зданіи, есть какъ бы дѣйствіе всеобщаго міроваго закона, закона взаимнаго притяженія тѣлъ. Эти политическія тѣла имѣютъ какъ бы вращательное движеніе вокругъ своихъ жизненныхъ интересовъ и въ тоже время совершаютъ

дѣтей: «дворы семейственныхъ союзовъ, не получающіе земельныхъ участковъ, слѣдовательно, не обусловленные вполнѣ космической средой, коихъ платёжная способность опредѣлилась какъ 1:0, никакихъ повинностей не платятъ» (стр. 85). Подобныхъ примѣровъ можно бы привести много.

движеніе вокругъ интересовъ центральнаго тѣла (большой величины).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобныя сближенія ничего не объясняютъ и способны только вносить путаницу. Во всякомъ случаѣ, было бы нѣсколько смѣло видѣть въ ихъ употребленіи какой нибудь «новый приѣмъ». Они практикуются еще со времени блаженной памяти натуръ-философской школы и нѣкоторыми изъ представителей этой школы были доведены до своеобразнаго совершенства. Въ данномъ случаѣ ново только то, что г. Трироговъ примѣняетъ обветшалый хламъ, который давно уже пора бы сдать вовсе въ архивъ, къ отрасли изслѣдованія, только-что возникающей у насъ и по самому существу своему нуждающейся въ болѣе трезвомъ отношеніи къ дѣлу. Нельзя не пожелать, чтобы въ слѣдующихъ выпускахъ своего труда г. Трироговъ, по возможности, воздержался бы отъ всякихъ космическихъ и гистологическихъ фантазій, такъ же какъ и отъ попытокъ реформированія научныхъ методовъ, неполнѣ ему, повидному, ясныхъ, а ограничился бы непосредственными наблюденіями изслѣдуемыхъ явленій. Читатели, конечно, отъ этого были бы только въ выигрышѣ.

КОПЕЧНАЯ СВѢЧКА ВЪ ПАМЯТЬ О НЕКРАСОВѢ.

(Дополненіе).

1861.

1. Въ указаніяхъ подъ 1861 годомъ, при «Русскомъ Словѣ», № 11, вмѣсто «Современная Лѣтопись» нужно поставить «*Дневникъ темнаго челоуѣка*».

1866.

2. Н. А. Некрасовъ, «Живоп. Обзор.» №№ 13 и 14; стр. 193 и 215, В. Быкова.

3. «Спб. Вѣдомости» № 78 («Пѣсни о свободномъ словѣ»).

4. «Всемирный Трудъ», № 4, статья Н. Соловьева, «Критика направленій», стр. 105.

1869.

5. 6 (Объ отношеніяхъ Некрасова къ Бѣлинскому) Воспоминанія И. С. Тургенева, «Вѣст. Евр.» 1869, № 4 (Сочиненія Тургенева т. 1); объ этихъ воспоминаніяхъ — «Космосъ» 1869, 2-е полугодіе, приложение № 1, стр. 84—102; письма Бѣлинскаго, «Спб. Вѣд.» 1869, №№ 187 и 188; по поводу письма Бѣлинскаго, Т. ССХХVII. — Отд. II.